

«Е-оошеньки...» — раздавалось из-за стенки. Это Васин папа так просыпался по выходным и сладко потягивался всем своим большим крепким телом. Потом неразборчиво — шепотки. Мама тихо смеялась — так, будто папа ее щекотал, а она утыкалась от смеха носом в одеяло. Какая-то приглушенная возня и мамينو: «Услышит же...». Потом папа расслабленно мурчал: «Проголодалась? Тебя кормить надо?» Мама не успевала еще ответить, как Васька, вслушивающийся в родительское сладкое утро за стеной, кричал из своей комнаты: «И меня!» «И тебя?» — с придуманным удивлением весело откликнулся папа, и они бежали на кухню жарить большую яичницу, на троих. «Ешеньки — это мы», — думал Васька.

Он их даже нарисовал как-то. Вот снег лежит — голубые загогулины внизу листа. Вот деревья вокруг — это лес, куда они ходили гулять в Жуковке, у деда. А вот и Ешеньки — папа, мама, Васька, в шубках и шапках, мохнатые от голубых загогулин. Как ежики, только иголки мягкие. А вокруг крутятся большущие, как вертолетные винты, снежинки.

Теперь Васька рисует марвелов.

«Вот ведь уродцы!» — в сердцах как-то сказала нянечка, Нина Федоровна. «Уродцев» принес в садик Кирюха Малышев — сначала фигурки марвелов, потом журналы с комиксами. И пропал Васька. Или наоборот, спасся — не поймешь. Раньше в садике минутки считал до маминого прихода, а теперь с утра утыкался в комикс — день и пролетал, будто не было.

Дома у Васи таких пластиковых героев тоже куча, но все китайские. Вот Кирюхе везет, у него настоящие марвелы! Ему отец привозит из командировки, наверное, из самой Америки. Киря не жадный, дает поиграть.

А еще у Васьки марвелы на планшете есть — мно-

го серий, весь день можно смотреть. Человек-паук, Халк, Тор, Железный человек, Фантастическая четверка, Капитан Америка... А серия заканчивается — тоже не беда. Васька — выдумщик, и марвелы всегда с ним рядом — на улице, в поликлинике, у соседки в скучных «гостях», и когда папы долго нет. Мальчик представляет любимых героев и рисует их, рисует... Чаще всего любимого Росомаху, конечно.

Папа вчера опять пришел поздно, Васька заснул почти. Сквозь сон слышал, как родители ссорятся на кухне. И утром папа ушел рано-рано, не стал будить Васю. В зале на диванчике постель неубранная. Такое недавно стало случаться, до того, как Васька с марвелами познакомился.

День начался плохо. Васька забыл вчера планшет на зарядку поставить, утром — тык! — не работает. Вот и сидит хмурый на подоконнике, смотрит на улицу. За окном снег. Не идет — висит. Ветра нет совсем, и снежинки будто растерялись. Ветер давал направление, а сейчас они толкуются в воздухе, не понимая, куда лететь? Бестолково, потерянно.

Мама сейчас тоже напоминает Васе такую снежинку: бесцельно меряет комнату шагами, присядет, застучит спицами над недовязанной кофточкой, и снова вскакивает. Походит — замрет. Так тревожно от этого Ваське... Он хватается то за карандаш, то за комиксы. Скорее бы планшет зарядился, с ним веселее.

Куда-то пропали, растворились их веселые выходные. Вася не слышит спор, натягивает наушники. Иногда, вроде, родители мирятся, и мальчик откладывает планшет. Случаются тихие домашние вечера втроем — как раньше, с шутками и вкусным ужином. Мама смеется Васиным и папиным рассказам, но как-то не по-настоящему: громко, заливисто, картинно встряхивая челкой — так, словно ее для кино снимают. Папа

мрачнеет, а потом опять пропадает допоздна. Порой от него пахнет вином, и мама потихоньку плачет в ванной.

— Вась, чего сидим-то? — вдруг спохватывается мама. — Одевайся бегом, в садик опоздаешь!

Васька морщится и нехотя сползает с подоконника: так надеялся, что мама забудет! «Терпеть не могу ваш садик!» — бурчит мальчик, напяливая свитер.

У мамы опускаются руки. Она растерянно, с отчаянием каким-то смотрит на него и вдруг совсем неожиданно говорит:

— Вась... а поехали в Жуковку? Я отпуск взяла — поживем на свежем воздухе. Ты же давно там не был...

Как вспышка — в Жуковку! Васька аж зажмурился. Вот здорово, никакого садика! Но что-то словно царапает его изнутри:

— А папа как же? Без нас?

— Папа потом, наверное, приедет, в выходные, — торопливо отвечает мама.

* * *

Три часа ехали в жаркой электричке. Поначалу Ваське было скучно: пассажиров мало и все сердитые какие-то, окна грязные, не видно ничего. Но потом в проходе неожиданно возник Магнето и напал на них! Росомаха сразу подскочил, закрыл Ваську с мамой, и лезвия из рук вырастил. Но у него же весь скелет из металла, Магнето его сразу и обездвижил, примагнитил к месту. Васька не растерялся и накинул на Росомаху специальное антимагнитное одеяло — он давно его придумал, даже рисовал несколько раз и Кирюхе в садике показывал. Росомаха закутался в одеяло и кинулся на злодея. Магнето понял, что ничего сейчас сделать не сможет, и удрал.

Тут как раз объявили Жуковку. Васька с мамой, увешанные сумками, прыгнули из духоты поезда на низкий, присыпанный гравием перрон, и с удовольствием вдохнули осенний холодок. Электричка сомкнула за ними двери и стала деловито набирать ход, раздвигая пространство полосатыми боками. От поднятого ею вихревого потока Васька прикрыл глаза: наполненный «машинными» запахами воздух бил в лицо, лохматил волосы — и это было приятно. Электричка уходила, оставляя в ушах странный, будто стлагывающий звук: «гл-гам, гл-гам, гл-гам» — так колеса проглатывали стыки рельс.

Возле покосившейся билетной будки сидела маленькая рыжая Жучка. Васька обрадовался старой знакомой: собака всегда встречала электрички, улыбаясь прибывающим добрыми карими глазами. Обходчики ее подкармливали, но она была ничья — сама по себе. Мама говорила, что, наверное, ее забыли хозяева, снимавшие здесь на лето жилье, а она все ждет, ходит встречать. Но Васька не верил, что можно забыть такую хорошую собаку. Наверное, она просто любит поезда.

Мальчик погладил лохматые уши — Жучка зажмурилась и вильнула хвостом. Мама ни за что не согласится взять собаку к себе, опять скажет: «Неприученного пса — в городскую квартиру? Не выдумывай!».

Они скормили Жучке пряник, перешли пути и направились к поселку мимо чуть подернутого дымкой

озерца. Накрапывал дождь. Он расчертил озеро рябыми полосами, и оттого оно стало напоминать старый шифер на деревенской крыше. Скопа билась о него, пытаясь сквозь толщу полосатой воды ухватить добычу. Росомаха бы пару раз ткнул в воду своими лезвиями, как гарпунами, и наловил бы кучу рыбы... да куда до него глупой птице.

Грязюка была совсем непролазная. В межсезонье дорога здесь вспучивалась высокими глинистыми колеями, заполненными красноватой жижей. Они с мамой затоптались на вязкой обочине. А чего топтаться? Через дорогу мостов нет. На той стороне Капитан Америка обмывал от грязи сапоги у колонки. Струя била в красную сапоговую резину и комья налипшей глины слетали с нее тяжелыми плюхами. «Эгей!» — крикнул Васька, Капитан поднял голову, улыбнулся и махнул рукой — узнал. Кэп тут же вытащил из кустов маленькую лодочку, поднял свой щит, как парус, и, скользя меж колеями, ловко стал править в их сторону. «Так и людей можно возить туда-сюда», — подумал Васька. И вот уже он стоит в лодке бок о бок с Капитаном Америкой, рядом сидят соседский Санька, директор лесхоза дядя Юра и бабка Святыха. «По пять рублей за проезд», — важно говорит Васька и морщит в строгости брови. Монеты приятно тяжелят ладонь, Капитан улыбается и запевае их любимую песню...

— Олька, ты, что ли? Чего в городе в такую погоду не сидится? — Капитан Америка у колонки вдруг превратился в дядю Митю-соседа.

— Здравствуйте, Дмитрий Александрович! Да вот, отпуск взяла, думаю здесь пожить пару недель, дом в порядок привести.

— Это правильно, дом без хозяина не может. Вы левее перейдите, к пригорку, там колея помельче. Да мальчика на руки возьми — у нас тут вчера теленок увяз, целую операцию по спасению устраивали. Погоди, я тебе сейчас с сумками помогу.

Васька насупил: что он — теленок, в грязи завязнуть? Сосед уже месил жидкую грязь мытыми красными сапожищами, пробираясь на их сторону. Мама подхватила Ваську под мышки и, прижав его к бедру, начала переправу. Он молча терпел этот женский производ, разглядывая отпечатки тракторных шин в колее. «Как удавы ползали», — подумал Васька. Лодка все плыла по жидкой грязи, но Капитан вдруг настоужился и оборвал песню: над поверхностью стали вспучиваться рыжими пузырями блестящие удавы бока. Узоры на чешуйчатой шкуре напоминали следы протекторов. И тут Васька увидел, что зубастая тварь заходит Капитану за спину! Мальчик схватил весло, замахнулся и...

— Приехали! — тяжело дыша, сказала мама, опуская Ваську возле колонки.

Они обмыли сапоги — мама от налипшей грязи, а Васька просто так, за компанию — поблагодарили дядю Митю за сумки и пошли вверх по улице. Мальчик увидел высокую крышу дедова дома и в нетерпении прибавил шаг. Представил, как стукнет железная тяжелая щеколда на воротах, как они заскрипят, как гудко затокают под их ногами ступени крыльца...

— Погоди, нам еще к Святковым зайти, ключи забрать, — сказала мама.

— Маам, ну давай я у деда в ограде подожду! — заныл Васька. Он побаивался строгою бабку Сви-
ятиху.

— Не выдумывай. Мы ненадолго.

Постучали в калитку, звонко отозвалась мелкая со-
бачонка в глубине двора.

— Кого там нелегкая несет? — откликнулись из
дома.

«Какая такая «нелегкая»? — удивился Вася. — Мо-
жет, электричку так называют?» Мальчик вспомнил
тяжелую, грохочущую громаду поезда, принесшего
их на станцию. Да, наверное, она Нелегкая и есть.

— Ксения Ивановна, здравствуйте! Это Оля. Я за
ключами!

— А, проведать приехала. Да заходите, нельзя че-
рез порог ключи-то отдавать, — бабка Ксения уже на-
вила их в дом.

Разулись в маленьких сенках, ступили за порог.
Их сразу обдало жаром, как из бани. Большая беленая
печь посереде кухни была так натоплена, что казалось,
воздух вокруг идет маревыми пластами, плавится.

— Вот и заходите. Жарковато у меня, да я так
люблю, а то кости от сырости ломит. Сейчас и чаю
вскипячу.

Мама взглянула на расстроенное Васькино лицо и
сказала:

— Ой, Ксения Ивановна, спасибо, мы к вам на чай
завтра зайдем. Нам бы сейчас до дому добраться, печь
протопить.

— Ну, смотри, не забудь. А то Васю у меня пока
оставь — чего ему в холодной горнице сидеть? Вече-
ром и заберешь.

Васька замотал головой.

— А чего не хочешь? Я тебе курочек покажу: вот
они у меня, за печкой — Ряба и Перуша. Из курятни-
ка-то их забрала — холодно там.

Васька заглянул в отгороженный досками угол
кухни. Там, ошалевшие от жары, сидели две пестрень-
кие курицы. Бабка ухватила ту, что поближе — серень-
кую, и протянула мальчику — на, мол, держи. Вася
испуганно и неловко взял это мягкую, пахнущую пы-
лью птицу и замер от неведомого раньше ощущения:
в его ладонях часто-часто билось маленькое сердечко.
Курочка была почти невесомая, теплая от печки и от
своей внутренней теплоты. Она спокойно сидела в
руках, поглядывая на мальчика черным глазом. Вась-
ка осторожно опустил ее на пол, она чуть взмахнула
крыльями для равновесия и спокойно отошла, что-то
поклеывая на полу.

— Видишь, не боится. Значит, понравился ты ей.

Вася смущенно улыбнулся: правда? Мама наконец
взяла ключи и они выбрались на прохладную улицу.
Мальчик шел, глубоко задумавшись, руки все еще
ощущали легкость и тепло живого существа — такого
хрупкого и доверчивого. Маленькие орлята, которых
они с Железным человеком нашли в гнезде на север-
ном хребте Скалистых гор, поглядывали также, но
глаза у них были желтыми в коричневых крапинках.
Васька и Железный Тони Старк спасли то гнездо от
нападения горного ягуара, а потом полетели дальше.
Но стучат ли орлята сердечками, когда держишь их в
руках, Вася почему-то не смог представить.

Вот добрались и до дома. Васька знал, конечно,
что дед умер еще весной, хоть мальчика и не брали
на похороны. Но он все время забывал, что деда нет
и уже не будет — ему казалось, что тот просто уехал
куда-то или ушел в свой лесничий долгий маршрут.
Вот и знакомый дом, и улица — все, как прежде. Ка-
залось, сейчас дед выйдет навстречу, поцелует маму,
защекочет, подхватит на руки Ваську и понесет в дом.
Но не вышел.

Они с мамой вытирали грязные сапоги о метал-
лическую скобу возле крыльца, как вдруг услышали
слабое мяуканье. На крыльце сидела дедова кошка,
когда-то пушистая, а теперь мокрая, сделавшаяся от
этого очень маленькой.

— Муська-гулена, опять вернулась! — ахнула
мама. Кошку после смерти деда отдали знакомым на
другой конец села, но она все время убегала в свой ста-
рый дом, ловила здесь мышей, жила под крыльцом
— наверное, ей тоже казалось, что дед просто уехал на
время и скоро вернется.

Мама открыла тяжелый замок, и они втроем
шагнули в выстывший дом. Обычно Васька сразу на-
чинал носиться по комнатам, проведывать свои люби-
мые места: лез в этажерку с подшивками журналов,
в заветный ящик комода, где перекачивались дробин-
ки, похожие на горошины перца, и лежали стреляные
гильзы охотничьего ружья, гладил чучело глухаря в
прихожей, прыгал на упругой сетке кровати — и все
ему было весело, все будто внове. Но теперь почему-то
не бежалось. Тихо было в доме, совсем тихо. Васька
даже испугался этой тишины. Слово все здесь за-
мерло и забыло, как это — звучать и двигаться. Воздух
в комнатах стоял недвижим многие дни — никто не
нарушал его слоев, не наполнял движением. Никто
не открывал дверцы шкафа, не ронял книг, не гремел
заслонками печи, не скрипел половицами. И часы за-
мерли, будто притормаживая время — давно их не
заводили, они и забыли, как стучать. Даже любимая
дедова картина над письменным столом вдруг пока-
залась Ваське мертвой. Поэт Пушкин стоял на берегу
моря, за спиной его скала, а перед ним плескалась и
разбивалась брызгами великая стихия. Дед говорил
«витийствует», а Васька так и не понял, про кого это —
про Пушкина или про море? Но даже само это слово
было очень живым, и живыми были волны, и плащ
развевался почти также красиво, как у Человека-пау-
ка. А теперь на картине — нарисованный поэт, нари-
сованное море... Все не так.

Но грустить было некогда. Мама помогла Васе
раздеться и велела сушить Муську. Мальчик забрал-
ся на диван, закутал мокрую кошку в старое полотен-
це, усадил на колени и стал вытирать лапы, грустную
морду... Муська не вырывалась, только вздрагивала
всем телом — это холод выходил из нее постепенно,
будто длинными волнами. Наконец осенняя промоз-
глость в маленьком тельце истаяла, кошка распуши-
лась и замурлыкала. Мама гремела чем-то на кухне,
печка уже нагрелась, пахло жареной картошкой —
дом наполнялся теплом и жизнью. Тягостное впечат-
ление первых минут забылось. Васька тоже пригрелся
на диване и стал клевать носом. Рядом сидели дед и
поэт Пушкин, а чуть дальше, у стола, Росомаха в дедо-

вых очкач читал грустное и гордое стихотворение про анчар - или это было муськино мурлыканье?

— Василек, да ты заснул, что ли? Просыпайся, с утра ведь ничего не ел, — мамин голос выдернул мальчика из мягкой дремоты.

Тело после короткого сна было уютным и неуклюжим. «Я, наверное, сейчас похож на Мишлена», - подумал Васька, вспомнив смешного человечка из рекламы шин. Мысль показалась ему забавной, он даже попытался изобразить, как ходит Мишлен.

— Ты чего косолапишь, как медвежонок? Иди, умывайся.

Поужинали картошкой с любимыми «поджарками» и солеными огурцами из дедовых еще запасов. Потом играли в домино, и Васька к месту — не к месту кричал «Ррыба!» Мама смеялась, как маленькая девочка — по-настоящему, а не как дома — и так же, как Васька, залезла в азарте коленками на стул.

Потом пили чай с пряниками. Вдруг погас свет — в Жуковке такое часто случалось. И стало совсем здорово! Они с мамой смотрели в окно, будто в телевизор — там, на темном экране неба, показывали приход зимы. Еще утром кругом была осень, слякоть, «грязина непролазная». А сейчас, к ночи, похолодало, и с низкого неба посыпалась невесомая крупка. Будто кто невидимый там, за тучами, чуткими пальцами присаливал землю первым снегом — чтоб сохранить до весны.

На оставшихся на ветвях крупных ранетках выросли снеговые шапочки. Так и смотрели на неслышно ступающую зиму Васька, мама и гномики-ранетки в пушистых колпачках. Было уютно, грустно-приятно и немножко таинственно. Вот бы кто-нибудь из марвелов сейчас достал гитару и... Но в темноте комнаты Васька почему-то не смог различить знакомых силуэтов.

Все равно хорошо. Вот бы всегда так...

— Мам, а зачем в город? Можно и тут жить. Как Санька. — Васька вспомнил соседского мальчишку, с которым играл летом. — И папа бы приехал. И Жучку к себе возьмем.

— Можно бы. Да такая тут глухомань... — задумчиво ответила мама. Она тоже хотела вернуться в Жуковку, где все с детства так просто и понятно.

Васька опять почувствовал в ее голосе ту городскую тоску, которая тревожила его, и делала маму похожей на бестолковую снежинку в безветренную погоду. Мальчик сунул голову маме под руку, обхватил руками крепко. Она улыбнулась, ероша светлые волосы. «Странное слово — «глухомань». Будто здесь глухие Маньки какие-то живут», — удивился про себя

Васька. И вот уже картинки заскакали перед глазами: Манька-старая носки вяжет на лавочке, Манька-средняя пироги в печь ставит, а девчонка Манька из подполья картошку достает...

— Мам, а эта вот... глухомань — это что? Лес?

— Ну, и лес тоже. Так любое глухое место назвать можно. Значит, далеко от цивилизации, от города.

— Это плохо?

— Да уж чего хорошего.

Васька задумался. Неправильное какое-то объяснение. Жуковка — хорошее село, и люди здесь хорошие, и природа. Деда вон сколько раз в другие лесхозы звали на работу — начальником, а не простым лесничим, а он из родной Жуковки никуда.

Глухомань... Мальчику представилось, что пелена снега обложила горстку жуковских домов невесомым ватным облаком, и не доходит сквозь него шум города, гул машин. И Интернета нет, и в телевизоре пять каналов всего. Вот поэтому, наверное, и говорят: «глухо». Но что-то манит сюда, не дает забыть. Будто шепчет-зовет кто сквозь снег: «Глухомаань...»

Спали с мамой на широкой дедовой кровати, вдвоем под тяжелым ватным одеялом. Пришла Муська, забралась к ним, заурчала, как моторчик. В печке уютно потрескивало, будто огненные кузнечики прыгали по ломким прогорающим поленьям, и мерцали красными крыльями сквозь щели в дверце. По потолку ходили длинные тени, было тепло и совсем не страшно. Васька прижался поплотнее к маме, и стал представлять, как усталый от подвигов Росомаха входит в сени, садится у печки, долго, по-дедовски, стягивает сапоги, разматывает портянки. Придвигает большое лукошко, снимает намотанные сверху тряпки, а под ними — тронутые морозцем рябина да калина, коряжки, на зверей похожие, смешной гриб трутовик — гостинцы «от зайчика». Натруженными руками герой перебирает лесные богатства и рассказывает, как он сегодня... Васька уже не понимал, Росомаха это или дед — потолок, и печка, и Муська вдруг сдвинулись, поплыли, и Васька поплыл во сне неведомо куда, так и не услышав лесных рассказов.

И снилась ему рыжая Жучка со станции. Она лизнула Ваську в лицо и, не торопясь, побежала в сторону дедова дома. Иногда она оглядывалась, по-доброму поглядывая на мальчика, словно проверяя — идет ли? В отдалении прогудела «нелегкая» электричка, папа спрыгнул на перрон Жуковки и зашагал по улице. За ним, тихо похрустывая снегом и вспугивая сонных птиц, на мягких лапах брела большая медведица-зима.